

DOI 10.31029/vestdnc89/5

УДК 394.23

ЭВОЛЮЦИЯ КАЛЕНДАРНОГО ПРАЗДНИКА *ОЦБАЙ* В СВЕТЕ АРАБОЯЗЫЧНОГО ИСТОЧНИКА XVIII в.

Ш. М. Хапизов, ORCID: 0000-0002-1958-9498

М. Г. Шехмагомедов, ORCID: 0000-0002-3324-7419

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

EVOLUTION OF THE CALENDAR HOLIDAY *OTSBAY* IN THE LIGHT OF AN ARABIC SOURCE OF THE XVIII CENTURY

Sh. M. Khapizov, ORCID: 0000-0002-1958-9498

M. G. Shekhmagomedov, ORCID: 0000-0002-3324-7419

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса эволюции календарного праздника *Оцбай*. Это древний земледельческий праздник, символизирующий начало полевых работ и одновременно – обряд, призванный обеспечить плодородный урожай. Авторы предприняли попытку реконструкции процесса эволюции данного обряда, обратившись к этнографическим исследованиям, а также письменному тексту, представленному выявленным авторами арабоязычным сочинением дагестанского богослова XVIII в. В этом источнике описывается порядок проведения *Оцбай* согласно требованиям ислама. Сопоставление и сравнительный анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволил нам предпринять реконструкцию процесса эволюции праздника. Зародившись как обряд имитативной магии в комплексе местных традиционных верований, впоследствии он подвергся заметному влиянию зороастризма. С XV в. начался процесс постепенной адаптации праздника *Оцбай* к нормам исламского права (*шариат*), завершение которой отражено в выявленном нами письменном источнике XVIII в.

Abstract. The article focuses on the study of the evolutionary process of the calendar holiday *Otsbay*. It is an ancient agricultural holiday symbolizing the beginning of fieldworks and, at the same time, a ritual designed to ensure a bountiful harvest. The authors try to reconstruct the process of evolution of this rite by referring to ethnographic research, and a written text, an Arabic-language work by a Daghestani theologian of the XVIII century. The source describes the conduct of *Otsbay* in accordance with Islamic norms. Comparison and comparative analysis of the available sources allow to undertake a reconstruction of the process of evolution of the holiday. Originating as a ritual of imitative magic within the framework of the local traditional beliefs, it was subsequently influenced by Zoroastrianism. From the XV century the process of gradual adaptation of *Otsbay* to the norms of Islamic law (*Shariah*) began, and its completion is reflected in the XVIII century written source identified by the authors.

Ключевые слова: Дагестан, аварцы, земледелие, культ плодородия, зороастризм, ислам, шариат.

Keywords: Daghestan, Avars, agriculture, fertility cult, Zoroastrianism, Islam, Shariah.

Наиболее важным традиционным праздником календарного цикла в Нагорном Дагестане был и остается по сей день *Оцбай* (в пер. с авар. – «запряжка быка»). Он предшествовал началу весенних полевых работ и представлял собой праздник первой борозды с его обрядовой пахотой. Никто не принимался за пахоту до проведения праздника первой борозды. Начало весенних полевых работ для земледельческих народов – наиболее выдающийся момент хозяйственной жизни, которое знаменовалось проведением символической первой борозды. В жизни земледельческих народов роль весеннего календарного обряда была столь велика, что порою он оставался главным праздником в году [1, с. 203]. Этот обряд сопровождался магическими обрядами и религиозными церемониями, направленными на обеспечение обильного урожая и благополучия семьи, рода, общины. Земледельческие праздники очень часто приурочивались к тем или иным официальным праздникам, в зависимости от погоды. Чаще всего обряды, относящиеся к началу весенних полевых работ, приурочивались к новому году, то есть к дню весеннего равноденствия. Ин-

интересно, что в аварском, андийских и цезских языках в названии праздника акцент делается на фигуре быка, тогда как в даргинских и лакском языках на первый план выступает пашня. У остальных народов Дагестана этот праздник менее выражен, а в Южном Дагестане уступает свою роль персидскому Новрузу.

Праздник состоял из ритуальной вспашки поля, то есть проведения борозд, обряда засеваания его разными видами злаков (которые специально смешивали), чтения молитв, разных магических действий, игр, спортивных состязаний, угощения. День проведения устанавливался в каждом населенном пункте в зависимости от погодных условий, и об этом, по решению старейшин, объявляли заранее, чтобы население могло подготовиться как к собственно празднику, так и к последующим работам. Праздник этот был сложным по составу, содержанию, характеру мероприятий, преследующих различные цели. До его проведения начинать пахать, сеять было строго запрещено [2, с. 81].

Праздник первой борозды состоял из двух основных компонентов: 1) обрядовой запашки; 2) состязаний, игр и увеселений. Основа праздника – проведение символической борозды, направленной на обеспечение обильного урожая, что видно из его самого названия. «Святая святых праздника – это ритуальное проведение плугом первой борозды» [1, с. 203]. А обрядовые игры, состязания и увеселения сопровождали и подчеркивали важность и значение праздника в годовом календарном цикле. В основе состязаний и некоторых игр также лежали магические действия.

Первая часть праздника, обрядовая, состоит из символического проведения двух-трех борозд и засеваания их семенами, что сопровождается магическими актами, направленными на обеспечение плодородия и богатого урожая. Утром все общество направляется на кладбище, чинит ограду, очищает территорию. Затем с быками и плугом направляется на наиболее плодородный из близлежащих полей участок, где наиболее уважаемые старейшины проводят жеребьевку, и победивший проводит вспашку первой борозды. Перед этим он читает суру *Фатиха* и обращается к Всевышнему с просьбой даровать хороший урожай. При этом он одевается в овчинную шубу, вывернутую наизнанку, а во время проведения первой борозды дети бросают в него земляными комьями. Далее борозду проводят наиболее многодетные отцы, что представляется актом продуцирующей магии. Чаще всего вспахивается девять борозд, после чего начинаются соревнования [3, с. 405–406].

Г.Ф. Чурсин также указывал на то, что главный обряд праздника обычно проводит *дибир* (имам селения), который при сборе всех жителей селения запрягал в плуг быков, одевался в шубу, вывороченную шерстью наружу, разбрасывал по земле горсть семян различных злаков и потом проводил плугом несколько борозд. Присутствующие хватили при этом комья вывернутой плугом земли и бросали в дибера с возгласами «Дай Бог пшеницу, как сыплется земля!» [4, с. 52].

После проведения ритуала первой борозды все мужчины и дети обоюго пола шли на праздничную трапезу, устраиваемую в доме ответственного за праздник лица. Во время пиршества ответственное лицо поднимало рог с бузой за здоровье будущего ответственного лица, то есть именно здесь и назначался ответственный за праздник следующего года. Подготовку к нему поручали состоятельному сельчанину за год до начала праздника. Он должен был иметь пару быков и приготовить три мерки бузы, несколько больших печеных круглых хлебов (символ солнца и плодородия), на что тратилось 16–20 кг муки, и другую еду. Жители, у которых в течение этого года рождался сын, должны были приносить на праздник по две мерки бузы (пара кувшинов), по одной туше барана и *хлерж* (круглый деревянный поднос) с *бартунами* (хлеб с начинкой). Те, у кого родилась дочь, приносили только *бартуны* [3, с. 406]. Таким образом, организаторами угощения в день первой борозды выступали родители мальчиков, появившихся на свет в течение года, прошедшего со дня прошлого праздника. То есть в этот день отмечали своего рода коллективный день рождения мальчиков, прибавившихся в селении за год.

Праздник первой борозды обычно завершался скачками на конях, стрельбой в цель, состязаниями по бегу и другими играми, являвшимися органическими компонентами праздника. Он превращался в ежегодный спортивный форум – аналог дагестанской олимпиады [1, с. 203]. Особое место в нем по своей значимости занимали скачки, привлекавшие внимание всей публики и, по сути, являвшиеся также обрядовым действием. Конь-победитель получал приз, состоящий из большого, кольцеобразной формы праздничного хлеба-калача. Родственники владельца коня обвешивали его дорогими материями и под уздцы торжественно проводили по аулу. Затем все родственники и друзья направлялись в дом к хозяину коня. Как хозяин взявшего приз коня, так и победитель в беге устраивали пир для родственников и друзей [4, с. 68], призванный принести в дом урожай, богатство и изобилие.

У различных обществ существовали и свои специфические обрядовые акции. У аварцев Цора (Алазанской долины), к примеру, на вершине горы Эрасул-меэр (в пер. с авар. – «гора Эрава») водружали длинный шест и там же устраивали символические бои между юношами под бой барабанов (соседняя вершина и ныне известна как *КъаликIамIнаб мегIер* – в пер. с авар. «Гора, на которой бьют в барабаны»). С земледельческим культом связан и весенний праздник аварцев Цора – *Рольул бог* (в пер. с авар. – «пшеничный бог»; *бог* в закатальском диалекте аварского языка – «каша из цельного зерна», в том числе и плов), когда для раздачи всем сельчанам варили кашу из семи различных злаков и челюсти крупного рогатого скота [5, с. 69].

В ритуале проведения первой борозды, таким образом, тесно переплетались магико-символическая и игровая, смеховая части празднества. Развлекательная сторона преобладала во второй половине праздника, посвященной увеселению собравшихся и включавшей в себя соревнования, игры и веселье. Эта часть обряда выделялась как структурно (обычно она проводилась после обрядов, связанных с ритуальной вспашкой), так и по составу действующих лиц. Участниками спортивных состязаний, а также всевозможных игр были молодые люди, подростки, дети. Старшее поколение выполняло здесь, как правило, роль зрителей, в то время как в первой, обрядовой, части участниками действий на поле выступали прежде всего представители старшего поколения [6, с. 47].

Строго разработанный земледельческий календарь, многочисленные пословицы и поговорки, непосредственно связанные с земледелием, подтверждают тезис об исключительной древности и ведущей роли земледелия в хозяйстве Нагорного Дагестана с древнейших времен вплоть до Нового времени. Первобытное комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство достигло своего расцвета в раннем бронзовом веке, когда, образно выражаясь, древнее общество Дагестана остановилось на пороге цивилизации. К этому же времени, видимо, относится возникновение аграрных культов, в том числе представлений, связанных с первой бороздой [6, с. 52]. М.А. Агларов обоснованно показал, что праздник первой борозды демонстрирует «революционные» изменения в земледелии – переход от мотыжного земледелия к пахотному (появление сохи) [1, с. 141–146]. Сюжеты, связанные с этим обрядом, находят свое отражение в материалах археологических раскопок средневекового периода. К примеру, на тыльной стороне металлического зеркала, обнаруженного в могильнике поселения Галла (Хунзахский район РД), датированного VIII в., изображены быки, используемые в качестве тягловой силы. В этом сюжете археолог В.Г. Котович видел отражение исследуемого праздника *Оцбай* [7, с. 289].

Как отмечает М.С. Гаджиев, культ быка, его почитание как олицетворения сил плодородия, мужского производственного начала нашли яркое отражение в этнографии и фольклоре многих земледельческих народов, в том числе дагестанских, в археологических материалах и определялись особой ролью быка в условиях пашенного земледелия, в производстве продуктов питания [8, с. 193; 9, с. 99–100; 6, с. 43].

Таким образом, *Оцбай*, являющийся древнейшим земледельческим праздником народов Дагестана, открывал хозяйственный год и в качестве такового обставлялся целой серией магико-символических действий, призванных обеспечить и усилить производительные силы природы и

человека, дать земле плодородие и принести богатый урожай [6, с. 52]. Соответственно, отдельные элементы праздника рассматриваются этнографами в качестве отголоска языческих праздников далеких предков. Проведение первой борозды воспринималось по верованиям древних как соитие быка и пашни, оплодотворение земли, что нашло отражение в самих названиях праздника – «запряжка быка» (аварское – *оцбай*), «свадьба пашни» (даргинское – *хъула мехъ*, лакское – *хъунни хъати*). Праздник этот, как свидетельствуют его названия, земледельцами мыслился не только как оплодотворение земли, но и как свадебные торжества со всеми ритуалами и игрищами [1, с. 205]. Игры и состязания, по мнению этнографов, первоначально устраивались не ради развлечения, а являлись ритуальными действиями, демонстрировавшими силу и ловкость мужчин и призванными, по представлениям древнего земледельца, содействовать плодородию почвы, вызвать урожайность злаков. Шум, который при этом производила молодежь, должен был, по поверьям, отпугнуть злых духов. После «вывода» плуга каждая семья получала право пахать и засеивать свое поле. Обычно каждый выбирал для сева какой-нибудь день, который считался наиболее благоприятным [10, с. 74]. Языческие корни приписываются также обряду с одеванием пахаря в овчинную шубу мехом наружу, что по закону имитативной магии «подобное вызывает подобное» должно было обеспечить густые всходы посевов и обильный урожай. Одновременно вывернутая овчинная шуба, видимо, была отражением культа овцы или козла, которым приписывалась большая плодоносящая и оплодотворяющая сила [10, с. 72–73].

Очевидно, что на протяжении долгого своего бытования ритуальная сторона обряда испытывала изменения, связанные с разными историческими эпохами, каждая из которых оставляла в нем свой след, свои идеи, порожденные изменявшимися условиями жизни народа и его идеологическими представлениями. Они накладывались на предыдущие слои, переплетаясь с ними, и образовывали сложный многослойный комплекс религиозно-идеологических представлений [6, с. 53].

Влияние ислама

Выше мы предприняли попытку вычленить в аграрном культе народов Горного Дагестана и его кульминационном празднике *Оцбай* основные элементы древнего праздника, относящиеся к древнему периоду. Здесь обратимся к чрезвычайно интересному документу XVIII в. Он записан в рукописи, которая, если судить по палеографическим данным, была переписана предположительно в первой половине XVIII в. Сам текст записан на форзаце и занимает два листа рукописи из коллекции одного из авторов настоящей статьи. Имя автора данного сочинения или же его переписчика не указано. Однако, если исходить из особенностей почерка, очевидно, что его автором и владельцем рукописи был известный дагестанский ученый-богослов Багужалав ал-Мачади (ум. 1770 г.). Поскольку этот текст (рис. 1, 2) представляется нам ключевым для понимания процесса адаптации древнего аграрного праздника к строгим требованиям суннитского ислама, целесообразно привести его полный перевод:

«Желательно, чтобы для проведения [первой] борозды выходил тот, кто обладает совершенным разумом и благим нравом, а также имеет благородное происхождение. При этом цвет бороды и лица такого человека должны быть подобны цвету пшеницы (т.е. пепельного цвета). Также желательно, чтобы между ним и остальными жителями [селения] были добрые отношения, так чтобы никто из них не испытывал друг к другу чувства зависти и злобы. [Желательно также,] чтобы он не имел каких-либо недостатков и нежелательно, чтобы для проведения первой [борозды] выходил человек, который получает закят¹, или тот, у кого нет <...>², или же тот, кто не обладает полноценным рассудком, или же, чтобы этот человек был невольником или переселенцем из чужих земель, а также, чтобы он был обзывающим людей или же хулителем, или

¹ *Закят*, согласно шариату, получает от общины бедняк, который не может обеспечить себя пропитанием.

² Слово не удалось прочесть.

имел какие-нибудь телесные увечья. Желательно также, чтобы выходящий [для борозды] был грамотным и знающим наизусть [Коран], и нежелательно неграмотному опережать того, кто грамотен. Желательно в тот день побольше просить прощения своих грехов по сравнению с обычными днями. Желательно выходить [на первую борозду] в понедельник, четверг или воскресенье.

Если ты сам хочешь выйти, то тебе следует самому взять быка за рога и не поручать это своей супруге³ и при этом следует прочитать следующий аят: «Когда же он отвращается [от тебя], то поспешает творить нечестие на земле, губить посевы и людской род. Но Аллах не любит нечестия»⁴.

И когда ты вознамерился начать посев, то бросая семена в землю, которые в свою очередь должны быть чистыми, цельными и без изъянов, тебе следует прочитать следующую молитву: «О, Аллах! Ниспошли свое благословение и приветствия на Мухаммада и его сподвижников. О, Аллах, я предаюсь Тебе. О, Господь миров, О, Помогающий! О, тот кто дает всем пропитание. О, тот кто милостив к нуждающимся. О, тот кто обладает великой властью. О, тот, кто помогает страждущим. О, Лучший из тех, кто проявляет заботу. Лишь тебе мы поклоняемся и лишь у Тебя мы просим помощи. О, Аллах! Если пропитание мое находится на небесах, то ниспошли его, если же оно находится на земле, то приблизи его и облегчи его постижение... Если его много, то вложи в него благодать. О, лучший из тех, кто дает пропитание! О, Наследующий все сущее. О, Исцеляющий всякого недужного! О, дарующий всякому просящему! О, тот кто дает пропитание крохотному младенцу! О, Милостивейший из милостивых! О, Аллах!».

Данный текст нам представляется исключительно важным для того, чтобы понять, каким образом древний аграрный праздник, корни которого уходят в глубь веков, включил в свой состав определенные представления из зороастризма и впоследствии адаптировался к требованиям ислама. Более того, в силу своей социальной значимости в древности и средние века он смог сохраниться до сих пор, по-прежнему занимая важное место в общественной жизни населения Горного Дагестана. Становится очевидным, что средневековые дагестанские ученые-богословы, а Багужав также являлся их ярким представителем, озаботились этой задачей и «очистили» данный обряд от всего того, что казалось им противоречащим духу ислама. Они привнесли в него элементы ислама, в том числе обращения к Аллаху с мольбой об урожае, коранические фразы, проведение первой борозды грамотным или даже знающим наизусть весь текст Корана, то есть *хафизом*. Эти элементы, отвечающие духу и нормам ислама, призваны были как адаптировать праздник, так и закрепить руководящую роль исламских интеллектуалов⁵ во всех сферах общественной жизни социума, в том числе в календарной обрядности, тесно связанной с хозяйственной жизнью горцев. При этом недопущение женщины к важному акту праздника – запряжке и выводу быка («тебе следует самому взять быка за рога и не поручать это своей супруге») не противоречит установкам шариата и согласуется с нормами ислама, согласно которым общественной жизнью должен руководить мужчина. Также вполне объяснимы прочие требования, предъявляемые в тексте к тому, кто проводит первую борозду: обладание совершенным разумом и благим нравом, благородным происхождением.

На первый взгляд, сложно объяснить присутствие в тексте некоторых требований («цвет бороды и лица такого человека должны быть подобны цвету пшеницы»; чтобы он не имел какие-нибудь телесные увечья), которые можно даже считать противоречащими шариату. Однако эти условия могут исходить из той традиции в исламе, согласно которой при определении лица для совершения коллективной молитвы в качестве имама (руководителя) при всех прочих равных качествах (начитанность,

³ То есть не допускать к этому лицу женского пола.

⁴ Коран, 2:205.

⁵ Данный термин применительно к исламу авторы считают более уместным, нежели «духовенство», которому как явлению, по существу, нет места в исламской культуре.

богобоязненность, красивый и звучный голос) предпочтение следует отдать тому, кто лишен телесных недугов и обладает красивой внешностью. Вместе с тем, возможно, в данном случае мы имеем дело с устоявшейся традицией и укоренившимися общественными предписаниями воспринимать человека, проводившего первую борозду, в качестве потенциального лидера общины. Не исключено, что в древности это празднество, сопровождавшееся ритуально-обрядовыми действиями, которые оказывали огромное влияние на жизнь человека и общины, организовывали и объединяли общину, возглавлял глава общины, исполнявший одновременно функции жреца.

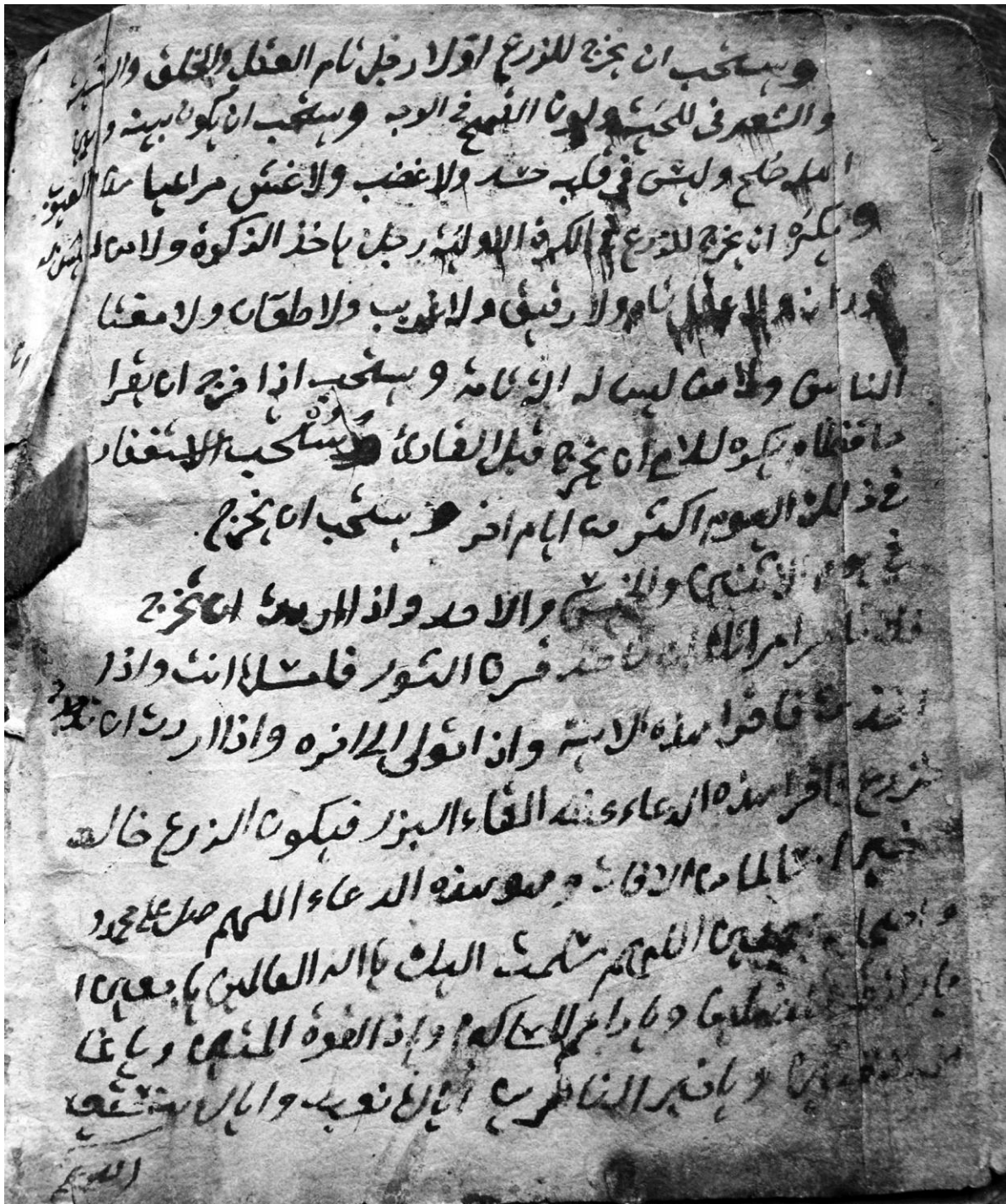

Рис. 1. Лист № 1 сочинения XVIII в., описывающего порядок проведения праздника *Оцбай*
(коллекция М.Г. Шехмагомедова)

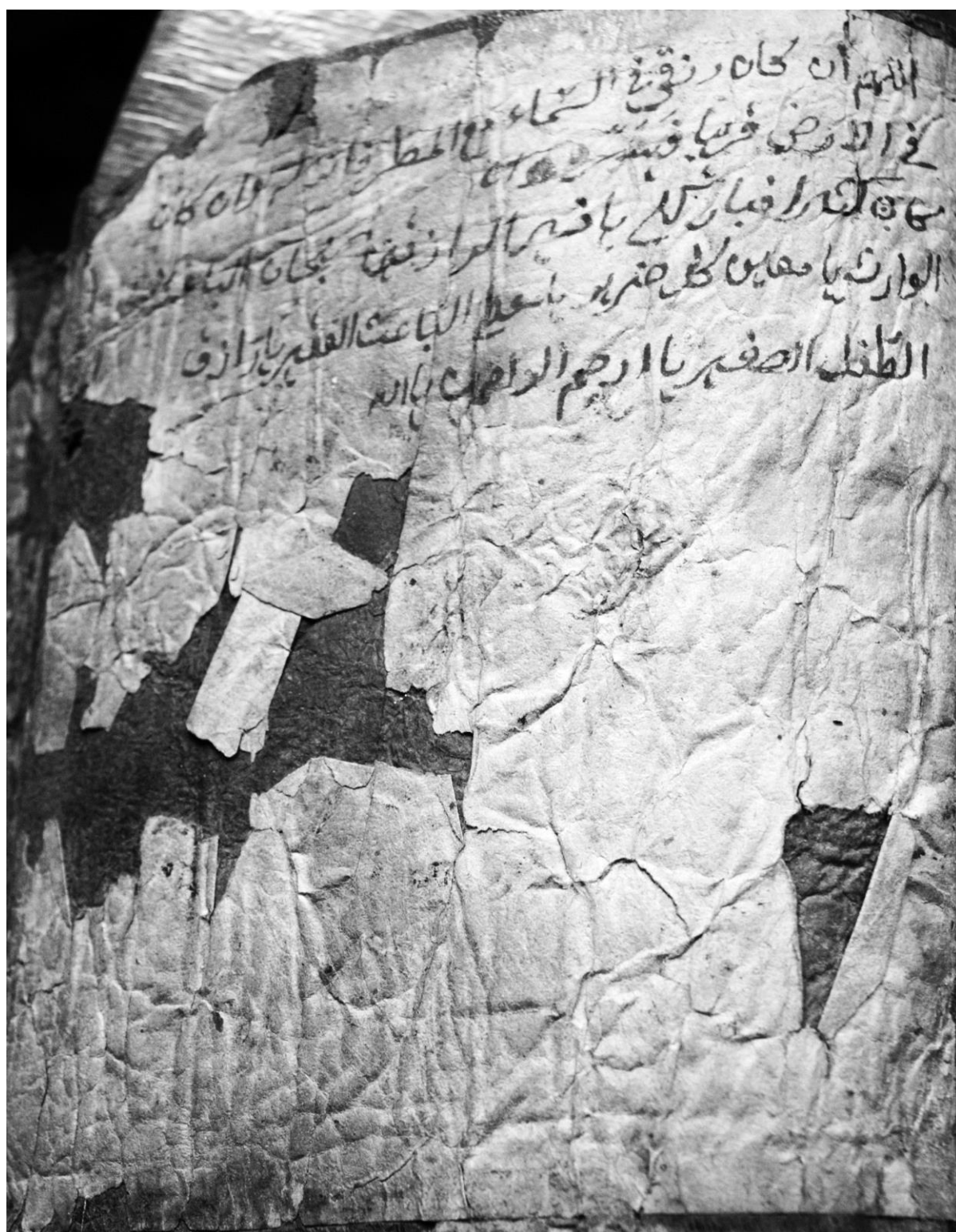

Рис. 2. Лист № 2 сочинения XVIII в., описывающего порядок проведения праздника *Оубай* (коллекция М.Г. Шехмагомедова)

Резюме

На примере данного центрального календарного праздника мы можем в определенной степени наблюдать эволюцию элементов традиционной культуры Горного Дагестана. При обращении к

письменным источникам появляется возможность проследить процесс их поэтапной адаптации к меняющимся условиям, и прежде всего – к нормам религиозных доктрин, которые, как показывает данное исследование, оставляют глубокий отпечаток на многих сферах материальной и духовной культуры народа. Вместе с тем примечательно выявление элементов ислама наряду с отсутствием пластов христианской культуры, несмотря на то что в X–XIV вв. в большей части Горного Дагестана христианство занимало ключевые позиции в религиозно-идеологической жизни. Возможно, это наблюдение говорит о синкретическом характере бытовавшего в тот период христианства, которое не смогло вытеснить устоявшиеся традиционные представления, культы, обрядность, оказать на них заметное влияние. Исследование главного календарного праздника народов Горного Дагестана проливает свет на процессы эволюции духовной культуры, казалось бы, уже не подлежащие реконструкции.

Обращаясь к самой природе этого праздника, М.А. Агларов пришел к обоснованному выводу – в празднике увековечено одно из величайших технологических достижений древности – изобретение плуга (сохи) и переход от мотыжного земледелия к плужному [1, с. 205]. Наиболее ярким сюжетом, иллюстрирующим этот переход, М.А. Агларов закономерно считает известный шумерский «Спор Плуга и Мотыги», где описан праздник смены мотыги плугом, красноречиво указывает на торжества по поводу применения плуга, вложенные в уста главного персонажа – Плуга:

*Когда мой праздник празднуют
В поле (в месяце) Шунумун
Царь (сам) режет быков для меня,
Разливает пиво в сосуды,
Царь держит меня за рукоятку,
Запрягает моих быков в ярмо,
Вся знать идет рядом со мной [11, с. 96].*

В этнографической литературе уже отмечалась интерпретация особой роли исламских деятелей в выполнении обрядов первой части праздника *Оцбай* как «приспособления исламом древнейших местных верований» [6, с. 47]. Нам удалось, как представляется, в некоторой степени показать влияние исламской интеллигенции в Нагорном Дагестане на традиционные религиозно-идеологические представления, связанные с вековой календарной обрядностью, на искоренение языческих корней рассмотренного праздника и наполнение его исламским содержанием. Обнаруженный и публикуемый текст, составленный богословом Багужалавом ал-Мачади в середине XVIII в. – в период «исламского ренессанса» в Дагестане, являет собой предписание, в некоторой степени имеющее канонизированную форму. В этом аспекте видятся перспективными археографические изыскания, направленные на поиск в дагестанских рукописях текстов, которые могут раскрыть некоторые вопросы духовной культуры и этнографии региона в условиях, когда устная традиция уже зафиксирована и когда нового материала в ходе этнографических и фольклорных экспедиций почти невозможно выявить.

В заключение отметим, что подобная трансформация произошла и со значимыми древними домотейстическими обрядами вызова дождя и солнца, которые в средние века подверглись «реформации» и также обрели исламскую оболочку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агларов М.М. «Когда празднуют мой праздник...» // Древности Кавказа и Ближнего Востока: сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала: Эпоха, 2005. С. 141–146.
2. Исламмагомедов А. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XX в. Махачкала: ДНЦ РАН, 2002. 432 с.

3. *Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г.* Карах в XII – нач. XX вв. (исторические и этнографические очерки). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2019. 655 с.
4. *Чурсин Г.Ф.* Авары Этнографический очерк. 1928 г. / под ред. *Р.И. Сефербекова*. Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. 92 с.
5. *Сулейманова С.* Джаро-белоканские аварцы (историко-этнографический очерк) // *Азербайджан и азербайджанцы в мире*. Баку, 2009. № 2. С. 61–74.
6. *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.: Наука, 1988. 200 с.
7. *Котович В.Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // *Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР / отв. ред. Г.А. Даниялов*. Т. IX. Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1961. С. 279–297.
8. *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Вост. лит., 2002. 230 с.
9. *Гаджиев Г.А.* Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.: Наука, 1991. 179 с.
10. *Рамазанова З.Б.* Обряды и обычаи производственного цикла у народов Дагестана (XIX–XX вв.) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2012. № 4 (32). С. 71–79.
11. *Краммер С.Н.* История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. 258 с.

*Поступила в редакцию 05.04.2023 г.
Принята к печати 28.08.2023 г.*

* * *

Хапизов Шахбан Магомедович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; e-mail: markozul@mail.ru

Shakhban M. Khapizov, Candidate of History, senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Center of RAS; 75, Yaragsky st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030; e-mail: markozul@mail.ru

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; e-mail: shehmagomedov.magomed@yandex.ru

Magomed G. Shehmagomedov, research, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Center of the RAS; 75, Yaragsky st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030; e-mail: shehmagomedov.magomed@yandex.ru